

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-2-411-426

EDN: HWCEDC

УДК 811.161.1'23

Научная статья / Research article

Деривационно-семантическое пространство «Лицемерие и притворство» в русском языке: психолингвистический аспект

В.Г. Фатхутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация

favenera@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — выявить и охарактеризовать в психолингвистическом аспекте процесс словообразовательного маркирования семантических доминант деривационно-семантического пространства «Лицемерие и притворство», а именно слов *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие* и *притворство*. Они объективируют в языке рационалистически-прагматическую модель коммуникации, обусловленную морально-нравственными ориентирами личности. Новаторство исследования состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка описать производные лексические единицы, вербализующие стереотипы неискреннего и лживого поведения, сквозь призму психолингвистики и лингвистической метаэтики, что позволило интерпретировать морфосемантическую структуру слова как проявление динамики русского языкового сознания. В соответствии с предложенным алгоритмом анализа охарактеризована семантическая структура доминантных слов; на основе синонимических и ассоциативных рядов установлен лексический состав и границы исследуемого пространства; выявлены основные типы производных в составе коррелирующих словообразовательных гнезд и их компонентов; определен спектр чувств и эмоций, сопровождающих процесс идентификации и оценивания «обманных действий» и «мнимой реальности», доказано наличие психологического компонента в семантической структуре подобных номинативных единиц. Производная лексика (наименования лиц, действий, отвлеченных понятий, разного рода признаков) как одна из форм отражения этноментальной действительности получает эмоционально-экспрессивную окраску, пейоративную оценку и дополнительные оттенки значения. Экспрессивность их внутренней формы вызывает в сознании человека сопутствующие чувства, эмоции и представления. Перспективный (синхронический) и ретроспективный (диахронический) словообразовательный анализ позволил рассмотреть совокупности производных слов как макроединицы хранения и систематизации ментально-языковой информации, связанной с социально-психологическими установками носителей языка, их поведением и коммуникативной деятельностью. Изучение производных номинаций антропологической направленности, появившихся в результате актов деривации, является одним из способов реконструкции и описания русского языкового сознания.

Ключевые слова: словообразование, модели поведения, морально-этические нормы, эмоции

© Фатхутдинова В.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: работа выполнена за счет средств «Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета» (Приоритет-2030).

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 01.11.2024; дата приема в печать: 15.02.2025.

Для цитирования: *Фатхутдинова В.Г.* Деривационно-семантическое пространство «Лицемерие и притворство» в русском языке: психолингвистический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 2. С. 411–426. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-411-426>

The Derivational and Semantic Space “Hypocrisy and Pretense” in the Russian Language: Psycholinguistic Aspect

Venera G. Fatkhutdinova

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

✉ favenera@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify and characterize in the psycholinguistic aspect the process of word-formation labeling of the semantic dominants of the derivational-semantic space “Hypocrisy and pretense” in the Russian language, namely the words *hypocrisy*, *duplicity*, *insincerity* and *pretense*. They objectify in language a rationalistic and pragmatic model of communication, conditioned by the moral and moral orientations of the individual. The innovation of the work lies in the fact that for the first time it attempts to describe derived lexical units that verbalize stereotypes of insincere and deceitful behavior through the prism of psycholinguistics and linguistic meta-ethics. This approach allowed us to interpret the morphosemantic structure of the word as a manifestation of the dynamics of Russian linguistic consciousness. In accordance with the proposed analysis algorithm, the semantic structure of dominant words is characterized in the study; on the basis of synonymous and associative series, the lexical composition and boundaries of the studied space are established; the main types of derivatives in the composition of correlating word-formation nests and their components are identified; the spectrum of feelings and emotions accompanying the process of identification and evaluation of ‘deceptive actions’ and ‘imaginary reality is determined. The study proves the presence of a psychological component in the semantic structure of such nominative units. Derived vocabulary (names of persons, actions, Abstract concepts, various kinds of signs) as one of the forms of reflection of ethnomental reality, it receives an emotionally expressive coloring, a pejorative assessment and additional shades of meaning. The expressiveness of their inner form evokes accompanying feelings, emotions, and ideas in the human mind. Prospective (synchronic) and retrospective (diachronic) word-formation analysis allowed us to consider the totality of derived words as “macrounits” of storage and systematization of mental and linguistic information related to the socio-psychological attitudes of native speakers, their behavior and communicative activities. The study of derived anthropological nominations that have emerged as a result of acts of derivation is one of the ways to reconstruct and describe the Russian linguistic consciousness.

Keywords: word formation, patterns of behavior, moral and ethical norms, emotions

Financing: the work was carried out using funds from the “Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University” (Priority 2030).

Conflicts of interest: the author declares no conflict of interest.

Article history: received: 01.11.2024; accepted: 15.02.2025.

For citation: Fatkhutdinova, V.G. (2025). The Derivational and Semantic Space “Hypocrisy and Pretense” in the Russian Language: Psycholinguistic Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(2), 411–426. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-2-411-426>

Введение

Этика, мораль, нравственность, поведенческие стереотипы и психологический портрет личности представляют собой единое концептуальное пространство, объективация которого в языке всегда привлекала внимание лингвистов. Как известно, морально-этические нормы, как и деонтические нормы в целом, имеют прототипический характер: они регулируют множество коммуникативных ситуаций, описывают стереотипы межличностного взаимодействия, типичные установки и поведение субъектов, характеризуют социально нерелевантные действия и оценочные реакции людей. Моральные ценности «говорят не о том, что есть, а о том, что должно быть» [1. С. 4]. Для современной лингвистики актуальным становится изучение «нормативной эксплицитности», а именно способов вербализации правовых и этических норм, представлений, запретов, социальных законов, социально-психологических установок и пресептивов нравственного поведения. Слова, указывающие на модели поведения человека, в ментальном лексиконе занимают особое место. По мнению В.И. Постоваловой, в настоящее время «этическая оценка в ее лингвистическом ракурсе исследуется в новом направлении гуманитарной науки — лингвистической метаэтике, изучающей нравственное сознание человека через его отображение в языке — разных видах деонтического дискурса, этических номинациях, оценках и др.» [2. С. 406].

С точки зрения Ю.Д. Апресяна, представления об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики можно извлечь из анализа таких лексических единиц, как *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *свидетель* и *соглядатай*, *любопытность* и *любопытство*, *жаловаться* и *ябедничать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, что свидетельствует о закреплении в значениях слов морально-этических норм [3. С. 39].

Предметом исследования выступили производные лексические единицы, образующие деривационно-семантическое пространство «Лицемерие и притворство», главная функция которых — объективировать представление о нежелательных, предосудительных, социально осуждаемых моделях поведения человека. **Цель исследования** — выявить и охарактеризовать в психолингвистическом аспекте процесс словообразовательного маркирования семантических доминант исследуемой сферы, а именно слов *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие* и *притворство*. Они объективируют в языке рационалистически-прагматическую модель коммуникации, обусловленную морально-нравственными ориентирами личности. «Этика здравого смысла

предупреждает, что самым опасным в поведении окружающих людей выступает обман. При этом *неприкрытая ложь* опасна и для самого субъекта, и потому обман *прикрывается добрыми чувствами, рядится* в самые разные одежды и принимает самые разнообразные личины» [4. С. 179–180].

Лицемерное поведение можно трактовать как разновидность «обманных действий» и как проявление очевидной и неочевидной коммуникативной прагматики. Оно противоречит нормам диалогической этики, фиксирующей «нормативно-ценностные основания социокультурной практики речевой коммуникации» [5. С. 40]. «Общественные» и «частнооценочные» номинации «имеют отношение к соответствию или несоответствию норме (существующей и идеальной), восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям (приятному и неприятному), к активному психологическому началу человека (его желаниям, стремлениям, воле, долгу, обязанностям), ... к прескриптивной функции речи, реализующейся в определенных типах речевых актов» [6. С. 183].

Новаторство работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка описать производные лексические единицы, объективирующие стереотипы неискреннего, лицемерного, лживого поведения в психолингвистическом аспекте, позволяющем интерпретировать морфосемантическую структуру слова как проявление динамики русского языкового сознания. Для описания результатов словообразовательной детерминации исследуемых понятий в этом ключе мы предлагаем следующий алгоритм анализа: 1) охарактеризовать семантическую структуру доминантных слов; 2) на основе синонимических и ассоциативных рядов установить лексический состав и границы исследуемого пространства; 3) выявить основные типы производных в составе коррелирующих словообразовательных гнезд и их компонентов; 4) определить спектр чувств и эмоций, сопровождающих процесс идентификации и оценивания лицемерного поведения.

Одной из теоретических посылок нашего исследования стал тезис о «внутреннем структурировании» психолингвистики как науки, в результате чего, наряду с «психолингвистикой дискурса», «психолингвистикой мышления» и «нейропсихолингвистикой» выделяется «психолингвистика сознания», которая «включает в свой состав фоносемантику, комплекс проблем описания ментального лексикона, психолингвистические аспекты изучения словообразования, грамматики и т.п.» [7. С. 45]; ср. термин «языковое сознание», который указывает на «неразрывную связь лингвистических проявлений с содержанием сознания человека» и в полной мере раскрывается при модельном описании «целостной структуры рече-мысле-языковой системы» [8. С. 15]. Другим теоретическим основанием нашего исследования стало понятие «психологической (психолингвистической) структуры значения слова», представляющей собой единство вербальных и невербальных компонентов, неразрывно связанных с коннотативными (эмоционально-оценочными) смыслами, в разной степени осознаваемыми носителями языка (А.А. Леонтьев,

А.А. Залевская, И.А. Стернин, А.В. Рудакова, В.В. Красных, Е.Ю. Мягкова, В.И. Шаховский и др.). Его трактовка как компонента ассоциативной структуры» позволяет говорить о «принципиальном единстве психологической основы ассоциаций и семантических компонентов значения слова» [9. С. 10].

Методы и материалы исследования

При описании словообразовательных процессов в языке, на наш взгляд, необходима интеграция структурно-семантического, когнитивного и психолингвистического подходов, при которой акты деривации рассматриваются как результаты деятельности языкового сознания, см. интерпретацию словообразования как «источника реконструкции языкового сознания» [10]. Поэтому в качестве методов нашего исследования выступили компонентный анализ семантической структуры слова; лингвокультурологический анализ словарных дефиниций, представленных в лексикографических источниках разного типа; психолингвистическая интерпретация внутренней формы дериватов. В настоящее время ученые предлагают исследовать внутреннюю форму слова с учетом достижений «когнитивно ориентированных лингвистических дисциплин, изучающих ассоциативно-апперцепционный характер мышления человека» [11. С. 77].

Перспективный (синхронический) и ретроспективный (диахронический) словообразовательный анализ лексических единиц, образующих исследуемую семантическую сферу, является одним из способов выявить и описать роль и место деривационных средств в формировании понятийно-логической, аксиологической и концептуальной модели окружающей действительности. «...За процессами языкового воспроизводства и креативности стоят общие когнитивные процессы деривационного характера, ... т.е. процессы концептуальной деривации, связанные с развитием и формированием общей и языковой картины мира» [12. С. 58].

Материалом для исследования послужили толковые, словообразовательные, синонимические, ассоциативные и идеографические словари русского языка, а также данные Национального корпуса русского языка.

Результаты и обсуждение

Представление о лицемерии в русском языковом сознании

Способы вербализации стереотипов человеческого поведения, связанных с социальным взаимодействием, физическим, психическим состоянием людей и процессом межличностной коммуникации, характеризуют ценностный аспект языковой личности. Лексические единицы исследуемого семантического пространства объединяются на основе интегрального признака «отношение к членам социума», проявляющегося в соответствии или несоответствии внешнего поведения характеру и внутреннему миру человека.

Деонтическое предписание «быть честным» (говорить правду) по оценочной (аксиологической) шкале соответствует положительному полюсу, в то время как нарушение этой нормы (например, «казаться честным», «изображать искренность») оценивается негативно. «Признак «кажимости», несовпадение фактического положения дел с тем, что представляется наблюдателю, лежит в основе важного для языка противопоставления реального и мнимого (воображаемого или обманного) миров»¹.

Представление о лицемерии в языковом сознании носителей русского языка имеет давнюю историю и с течением времени сформировалось в стереотипный, функционально значимый для современной речевой коммуникации образ. *Лицемерие* — «несоответствие слов, поступков человека истинным чувствам, убеждениям, намерениям; притворство»². Словообразовательное гнездо с исходным словом *лицемер* включает в себя 16 дериватов: субстантив со значением женскости *лицемерка*; глаголы *лицемерить*, *полицемерить*, *лицемерничать*, *слицемерничать*, *лицемерствовать*; адъектив *лицемерный*, на базе которого образованы существительные со значением отвлеченного признака: *лицемерие*, *лицемерность*, *лицемерство*; адвербиальные слова: *лицемерно*, *нелицемерно* и др.³. Социально-психологическое назначение перечисленных дериватов — выразить пристрастное, ценностное отношение к процессу межличностного взаимодействия, а также интерпретировать действительность с точки зрения деонтических норм.

Вершина словообразовательного гнезда — непроизводный с точки зрения синхронии агентив *лицемер* имеет четкую морфемную структуру, но не совсем ясную внутреннюю форму: «ст.-слав. *лицемѣр* от **lice* и **-menъ* — меняющий лица, двуличный (см. мена); сближено с *мѣра*, *мѣрити* (см. мера)»⁴ (С. 506); см. также «мер I в *лицемер* (см.), связано с *мѣна*» (С. 600).

С точки зрения В.В. Красных, «при изучении психологической структуры значения слова особое внимание следует уделять архаическим слоям сознания, актуальным для современного носителя языка (представителя культуры), и коннотативным и эмотивным аспектам значения» [13. С. 1309]. В этой связи одной из архетипических единиц исследуемого семантического пространства является понятие «лицо» как «главная проекция души человека». Деривационно-смысловая триада «лицо — личина (маска) — лицемер» отражает процесс «рационального словообразования», при котором дериваты заменяют собой дескриптивное описание и актуализируют эмоционально оценочную коннотацию.

Смысловая и структурная соотносительность слова *лицемер* со словом *личина* не вызывает сомнений: «Личина (устар.) 1. маска; 2. (перен.) напускные

¹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 872.

² Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 2. С. 191.

³ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 547.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986. Т. 2.

манеры, внешний вид, посредством которых скрывается истинная сущность кого-, чего-либо. Устойчивое: *надеть личину* — прикинуться кем-либо или каким-либо»⁵. В «Толковом словаре» В.И. Даля производное *личина* представлено в словарной статье «лицё, лицо» и семантизируется следующим образом: «накладная рожа, харя, маска», «ложный, притворный вид, лукавое притворство // он бездельничает под личиной смиренья. Снять с кого личину». При этом глаголы *лицемерить* / *лицемерствовать* толкуются именно через слово *личина* (от *лицо*): «принимать на себя личину, быть двуличным, облыжным, действовать притворно, обманывать внешностью; прикидываться смиренным, ханжить, лстить кому из своих видов». Отсюда *лицемер* — «ханжа, притворно набожный или добродетельный корыстный льстец»⁶.

В «Русском семантическом словаре» широко представлены наименования лиц «по свойствам натуры, чертам характера, а также по поступку, поведению, определяемыми такими свойствами, чертами», в частности, в подгруппе «обман, хитрость, ловкачество, беспринципность, льстивость, ханжество, подозрительность»: *двурушник, комедиант, иудушка, конформист, конъюнтурищик, лицедей, лицемер, обманщик, перевертыш, приспособленец, притвора и притворщик, святоша, симулянт, фарисей, филистёр, флюгер, хамелеон, ханжа, шарлатан* и др.⁷, ср. также *иезуит, волк в овечьей шкуре, ипокрит, Тартюф, двуликий Янус, притворщик*⁸.

Для подобных лексических единиц антропоцентрической направленности «коннотативное значение приобретает особую значимость в силу специфики самого объекта исследования, так как обычно то, что характеризует человека (его характер, поведение, внешний облик, действия, отношения между людьми и т.д.), представляет оценочные категории» [14. С. 17]. Семантическая структура агента *лицемер* включает в себя отрицательный эмотивно-оценочный (= психологический) компонент, поскольку ассоциатами для него выступают понятия «ложь, неискренность, притворство», вызывающие идентичную чувственную реакцию. По сравнению со словом *лицедей* (калька с греческого, букв. «делающий лицо») '(устар). актер; притворщик' в лексеме *лицемер* негативная коннотация получила развитие прежде всего на базе соответствующих ассоциаций. Она в семантике этого слова стала доминирующей и определяющей, т.е. фактически трансформировалась в лексическое значение данной языковой единицы. Если в номинации *лицедей* эмоционально-оценочный компонент является адгерентным (ситуативным, контекстуальным), то в слове *лицемер* он явно уже стал ингерентным (узуральным). «Названия человека как личности социальной и духовной позволяет

⁵ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 2. С. 191–192.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 2. С. 259.

⁷ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2000. Т. 1. С. 112.

⁸ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Рус. яз., 2001. С. 105.

выяснить природу ценностей и императивов традиционной культуры, нормы, правила поведения и взаимодействия людей в обществе, поскольку социальное поведение человека регулируется принятой в обществе моралью как одного из важнейших элементов культуры» [15. С. 134].

В «Толковом словаре» В.И. Даля отвлеченные понятия представлены тремя субстантивами: *лицемерие*, *лицемерство* и *лицемерность*; «лицемерный поступок» — это «деяние, где зло скрывается под личиной добра, порок под видом добродетели». Кроме адъектива *лицемерный* представлены также два других прилагательных «лицемеристый и лицемероватый» со значением «в меньшей степени с наклонностью к сему» (к лицемерию)⁹. Можно предположить, что два последних адъектива обозначены как потенциально возможные лексические единицы в узуальной повседневной речи в зависимости от их функции. «Большое количество антропологических прилагательных имеют два разных значения — (1), Свойство, характеристика личности и (2) поведение, актуальная характеристика человека в конкретной ситуации» [16. С. 85].

Процессуальное воплощение этической оппозиции «искренний — неискренний» представлено в психологически значимом предикате *лицемерить* — «проявлять неискреннее отношение к кому-либо, прикрывая злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью; син. *двоедушничать*, *двуличничать*, *фальшивить*, *фарисействовать*, *ханжить*»¹⁰.

Психологический компонент лексического значения имеет место и у прилагательного *двуличный*. «1. (устар.) имеющий два лика, лица; 2. лицемерный, неискренний»¹¹. Компоненты значения слова *двуличный*, представленные его интенционалом, с течением времени получили устойчивую эмоционально-экспрессивную окраску — коннотацию осуждения, неодобрения, поскольку сопутствующие окказиональные смыслы с течением времени перешли в разряд узуальных. «Слово *двуличный* в современном русском языке выражает только одно значение — лицемерный, неискренний, двоедушный, имеющий как бы два лица. ... Все эти слова окружены экспрессией осуждения, порицания»¹².

В «Словообразовательном словаре русского языка» (1985) данный адъектив представлен в рамках двух словообразовательных гнезд — с вершиной «два» и с вершиной «лицо». И если адъектив *двуликий* соотносится с основой *лик*, то прилагательные *двулицый* и *двуличный* — с мотивирующей основой *лицо*. Конкретная словообразовательная парадигма прилагательного *двуличный* включает в себя агентивы *двуличник* и *двуличница*; глаголы *двуличничать* и *сдвуличничать*, наречие *двулично*; отвлеченные субстантивы *двуличность*

⁹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 2. С. 259.

¹⁰ Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 601.

¹¹ Словарь русского языка. под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 1. С. 371.

¹² *Виноградов В.В.* История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1990. С. 129.

и *двуличие*, а также прилагательное *двуличневый*¹³. Лексикографические источники констатируют тождество близких по смыслу понятий: *двуличный* — «то же, что и двуличный (Двуличный Янус — о двуличном, лицемерном человеке)»¹⁴. Об абсолютном тождестве понятий «двуличие» и «лицемерие» свидетельствуют и глаголы: *двуличничать* — «проявлять лицемерие, неискреннее отношение к кому-либо поведением, словами, скрывающими истинные чувства; син. лицемерить, фальшивить»¹⁵; ср. *криводушничать*, *двоедушничать*; *двуличничать* — «хитрить, лицемерить, лукавить, говорить не то, что думаешь»; *двуличие* / *двуличность* — «состояние и свойство двуличного человека или предмета о двух лицах // двоедушие, лицемерие, облыжность, лукавство, скрытность; двуличный, двоедушный человек»¹⁶.

Устаревшая лексика, слова-хронофакты свидетельствуют о конкретно-предметном значении других однокоренных слов: «*двуличка* (*двуличная вещь*) — ткань без изнанки, на два лица, двулицевая, двуличенка»¹⁷. Данная номинативная единица базируется на переносном значении слова *лицо* — «обращенная наружу лицевая сторона чего-либо (ткани, одежды и т.п.); противополог. *изнанка*»¹⁸.

Архаическими слоями сознания обусловлено существование корреляции *двоедушие* и *криводушие*. «Двоедушие — качество или свойство двоедушного человека — лживость, притворство, лукавство, лицемерие. Двудушничать — лицемерить, лукавить; двоедушник, двоедушница — двоедушный человек»; ср. «Дво (у) язычить, двуречить / двоеречить — лукавить и говорить двояко, так и иначе; дво (у) язычие, дво (у) язычность — свойство двуязычного, двоякость речей»¹⁹.

Более частотным и более образным, по сравнению со словом *двоедушие*, в русском языке является композит *криводушие* (от *кривая душа*) — «(уст.) неискренность, лицемерие и адъектив *криводушный* (уст). ‘поступающий против совести, кривящий душой; неискренний, лицемерный»²⁰.

Словообразовательный потенциал обоих понятий в силу стилистической маркированности невелик: *два* → *двое* → *двоедушный* → *двоедушие*, *двоедушничать* → *сдвоедушничать*²¹; *душа* → *криводушный* → *криводушно*, *криводушие*, *криводушник*, *криводушничать*; *криводушник* → *криводушница*;

¹³ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 275.

¹⁴ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 1. С. 371.

¹⁵ Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 599.

¹⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 1. С. 420–421.

¹⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 1. С. 421.

¹⁸ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 2. С. 191.

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : ТЕРРА, 1995. Т. 1. С. 420, 422.

²⁰ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 2. С. 129.

²¹ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 272–273.

криводушничать → *покриводушничать*, *скриводушничать*²². Экспрессивность всего блока производных связана с образностью (архаичностью) их внутренней формы, которая вызывает сопутствующие чувства, эмоции и представления.

Отдельное место в исследуемом деривационно-семантическом пространстве занимает глагол *притворяться* и его дериват с отвлеченной семантикой *притворство* — «лицемерное, лживое поведение, преследующее цель ввести в обман, в заблуждение»²³. В «Новом объяснительном словаре синонимов» (2000) представлен следующий синонимический ряд: *притворяться*, *прикидываться*, *симулировать*, который «обозначает попытку субъекта создать у другого человека неверное представление о действительности: при этом в качестве объекта, о котором создается ложное представление, выступает сам субъект»²⁴. Однако данное концептуальное понятие, по сравнению с понятиями «лицемерие» и «двуличие», является более широким, более диффузным и может выражать амбивалентную оценку. Притворство как тип поведения не всегда оценивается негативно, здесь возможно и снисходительное отношение к субъекту действия: *женское притворство*, *притвориться спящим*.

Синонимические и ассоциативные ряды

Психологическая способность личности к наблюдению и анализу неискреннего, лживого поведения приводит к перманентному процессу его оценивания и вербальному воплощению, о чем свидетельствует большое количество лексических единиц, объективирующих в языке обманные действия и их результаты, однако лексическими доминантами исследуемого семантической зоны остаются слова *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие* и *притворство*.

Смысловую вариативность исследуемого концептуального пространства демонстрируют синонимические ряды, которые следует признать и ассоциативными: «Лицемерие, лицемерность, неискренность, лживость, фальшь, фальшивость, двоемыслие, двоедушие, криводушие, двуличие, двуличность, двойственность, ханжество, фарисейство, тартюфизм, ипокритство, см. притворство»²⁵. В синонимическом словаре антропоцентрической направленности под. ред. Ю.Д. Апресяна лексема *лицемерие* зафиксирована только в качестве слова-аналога к синонимическому ряду *неправда*, *ложь*, *вранье*, а также в статусе деривата, наряду со словами *видимость*, *маска*, *личина*, *неискренний*, *деланный*, *напускной*, *наигранный*, *мнимый* и др.²⁶.

²² Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. С. 324.

²³ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1982. Т. 3. С. 448.

²⁴ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 873.

²⁵ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Рус. яз., 2001. С. 105.

²⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 290.

Идеографические, стилистические и контекстуальные синонимы, как и ассоциативные ряды слов²⁷ (см. [9]) отражают динамику и расширяют границы деривационно-семантического пространства за счет дополнительных смыслов и эмоционально-экспрессивной коннотации. Так, в сознании людей *лицемерие*, *двуличие* и *двоедушие* очень часто связаны с изменой (ср. *лицемерный* — *коварный*, *вероломный*, *продажный*), поэтому в идеографических словарях существительное *лицемер* представлено в окружении других лексических единиц близкой смысловой сферы «предательство»: *иуда*, *предатель*, *провокактор*, *неверный*, *перебежчик*, *ренегат*, *отступник*, *изменник*, *перевертый*, *перекрасившийся*, *хамелеон*, *перерожденец* и др.²⁸: В фильмах моего детства и юности носителем **двоедушия**, **трусости** и потенциальной готовности к **предательству** непеременившим образом оказывался жалкий интеллигент в очках (Б. Васильев. Оглянись на середине // «Октябрь», 2003). Приведем примеры использования подобных синонимов и ассоциативных слов в художественном дискурсе (здесь и далее иллюстративный материал извлечен из Национального корпуса русского языка²⁹ — В.Ф.):

Так Рубин сразу показал майору всю свою неискренность и свое двуличие (А. Солженицын. В круге первом // «Новый Мир», 1990);

Ее оскорбляла даже тень двуличия и двоедушия, нечистота, непрямота отношений, неполнота доверия или самоотдачи (Л.К. Чуковская. Памяти Фриды (1966);

А ты не знаешь, что такое ложь, лукавство, двоедушие, у тебя две жизни, но душа одна (М. Кураев. Записки беглого кинематографиста // «Новый Мир», 2001);

«Ошибки всем людям свойственны», и суровости может быть достойно только одно лицемерие, коварство или вообще заведомое криводушие (Н.С. Лесков. Письмо М.А. Протопопову, 23 декабря 1891 г.);

При этом в Леонтии не было и тени лицемерия, двуличия, коварства (А.Н. Бенуа. Жизнь художника (1955));

Если он ошибался, то явно сознавался в ошибке, и исправлял ее по-царски, но не прощавал обмана, криводушия, лихоимства, непослушания (Ф.В. Булгарин. Воспоминания (1846–1849)).

Таким образом, семантизация понятия может осуществляться при помощи слов-ассоциатов, в функции которых выступают не только синонимические единицы, но и фоновые знания и понятия, совокупности образов и представлений. В данном случае мы имеем дело с так называемой «семантической ассоциативностью» [9].

²⁷ Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕБРАС. Прямой словарь. Обратный словарь. Режим доступа: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения: 02.02.2025).

²⁸ Функционально-когнитивный словарь русского языка: Языковая картина мира / под ред. Т.А. Кильдибековой. М. : Гнозис, 2013. С. 588.

²⁹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>. (дата обращения: 02.02.2025).

Лицемерие и психологические свойства личности

Психолингвистическая интерпретация исследуемой семантики предполагает как описание, так и оценку психологических свойств личности. Лицемерие в русской культуре всегда отождествлялось с пороком, в основе которого лежит не просто нарушение морально-этических норм, а психологический портрет человека, его осознаваемой или неосознаваемой приверженности к обманным действиям: *Если б тебя смолоду учили, ты знал бы, что нет гнуснее порока, как лицемерие и неблагодарность!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Из других редакций. Царство смерти (1857–1865)). Такой тип поведения вызывает осуждающую эмоциональную реакцию: *Подписей слишком много и... о лицемерие! О двуличие! Где вы, росчерки, подчерки, закорючки, хвостики?* (А.П. Чехов. Пережитое (Психологический этюд) (1880)).

Психологический компонент в лексическом значении слова *лицемерие* актуализируется в зависимости от контекста. Выделим наиболее частотные психологические параметры лицемерного поведения:

- лицемерие как свойство натуры и психики человека: *Тем не менее лицемерие было до такой степени потребностью его натуры, что он никак не мог прервать раз начатую комедию* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875–1880));
- лицемерие как неадекватное психопатическое состояние: *До сих пор, когда я бывал должен, то впадал в лицемерие — очень противное, психопатическое состояние* (А.П. Чехов. Письмо А.С. Суворину, 29 августа 1888 г. Сумы);
- лицемерие как категория сознания: *И чем больше увеличивается расстояние между действительностью и сознанием людей, тем больше растягивается и лицемерие* (Л.Н. Толстой. Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1890–1893));
- лицемерие (двоедушие) как раздвоение личности: *Я думаю, что двоедушие — один из самых существенных признаков нашей жизни; есть роль, и есть актер, исполнитель, есть некое раздвоение личности* (И.А. Дедков. Дневник (1977)).

Лицемерие и неискренность как тип поведения у адресата речи вызывает относительно идентичные чувства, эмоции и эмоциональные реакции. В психологической науке существует множество классификаций эмоций, которые строятся на разных основаниях. «Положительность» или «отрицательность» эмоции определяется «в зависимости от степени желательности или нежелательности вызываемых ею последствий» [17. С. 34], см. о типологии чувств и эмоций [18–20].

Анализ нормативных суждений в художественном типе дискурса показал, что лицемерие и притворство вызывают у людей следующие чувства негативного характера:

- чувство возмущения: *Тут поважнее всяких честных слов. Меня лицемерие возмущает, ложь! — Не понимаю! — проговорила Ольга Ивановна, и слезы заблестели у нее на глазах* (А.П. Чехов. Житейская мелочь (1886));

ср. Такое **криводушие** окончательно меня возмутило, и чиновник был прогнан с надлежащим внушением (Н.М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки (1884–1885));

- чувство ненависти: *Ненавидь всякое лицемерие и всё, что не угодно Богу* (Л.Н. Толстой. Учение 12-ти апостолов (1885)); ср. *Он был богат, благороден и знатен; имел прямой и честный характер; любил правду и ненавидел притворство, а это совсем не шло под стать тому времени, в котором он жил* (Н.С. Лесков. Скоморох Памфалон (1887));
- чувство отвращения: *Что может быть отвратительней этого безысходного двуличия, этого оскорбительного бессилия: радоваться малейшему успеху восставших и присоединяться к общему возмущению вслух!* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993–2003));
- чувство резкого неприятия, отторжения: *Если замечал в ком-то фальшь, двуличие, способность сделать подлость, разом прерывал всякие отношения* (Э. Барсуков. Служение слову // «Ковчег», 2014); ср. *Ничто мне так не противно, как притворство!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Секретное занятие (1863)).

Таким образом, чувства и эмоциональное состояние человека в данном случае обусловлены когнитивным оцениванием ситуации, субъективными переживаниями, регуляцией своего поведения и своих психических реакций в ответ на социально нерелевантные действия других членов общества.

В результате проведенного анализа становится ясно, что семантически идентичные понятия *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие* и *притворство* не являются равнозначными, поскольку круг их ассоциативно-чувственный реакций отличаются степенью пейративной оценки. Несмотря на то, что носители языка психологически связывают референциальные значения этих слов, они по-разному «действуют на эмоциональную сферу сознания, вызывая в нем различную сферу представлений и переживаний» [21. С. 309], из чего следует, что исследуемое семантическое пространство одновременно целостно и дискретно.

Заключение

Изучение словообразовательных процессов сквозь призму психолингвистики и лингвистической метаэтики позволяет рассматривать совокупности производных слов как макроединицы хранения и систематизации ментально-языковой информации, связанной с социально-психологическими установками носителей языка, их поведением и коммуникативной деятельностью. Анализ лексических единиц антропологической направленности, появившихся в результате актов деривации, является одним из способов презентации знаний о языковом сознании представителей русской лингвокультуры.

В результате исследования деривационно-семантического пространства «Лицемерие и притворство» установлено, что его лексические доминанты (слова *лицемерие*, *двуличие*, *двоедушие*, *криводушие*, *притворство*), называя нерелевантные, отрицательно оцениваемые обществом стереотипы

поведения, формируют деонтические (морально-этические) нормы и аксиологические понятия. Синонимические и ассоциативные ряды слов расширяют границы исследуемой семантической сферы, детально описывают психологический портрет личности и активно участвуют в построении нормативных и оценочных суждений.

В работе доказано наличие психологического компонента в семантической структуре подобных номинативных единиц. Производная лексика (наименования лиц, действий, отвлеченных понятий, разного рода признаков) как одна из форм отражения этноментальной действительности получает эмоционально-экспрессивную окраску, пейоративную оценку и дополнительные оттенки значения. Экспрессивность всего блока производных связана с образностью их внутренней формы, которая вызывает сопутствующие чувства, эмоции и представления.

Словообразовательная и семантическая детерминация исходного понятия находит отражение в словообразовательных гнездах, благодаря которым можно проследить динамику развития и способы вербализации психологически значимых смыслов. Деривационная структура производных слов отражает их смысловую организацию, а именно указывает, благодаря каким свойствам, признакам и ассоциациям в сознании говорящего объективируется представление о лицемерии и притворстве как разновидности «обманных действий» и «мнимой реальности».

Библиографический список

1. *Ивин А.А.* Аксиология. М. : Высшая школа, 2006.
2. *Постовалова В.И.* Этическая оценка другого и самооценка в православной духовной традиции (на материале епистолярного наследия святителя Игнатия Брянчанинова) // *Логический анализ языка: Языки этики.* М. : Языки русской культуры, 2000. С. 406–416.
3. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопросы языкознания.* 1995. № 1. С. 37–67. EDN: PVLFBF
4. *Рябцева Н.К.* Этические знания и их «предметное» воплощение // *Логический анализ языка: Языки этики.* М. : Языки русской культуры, 2000. С. 178–183. EDN: WFXDXN
5. *Бачинин В.А.* Этика. Энциклопедический словарь. СПб. : изд-во Михайлова В.А., 2005.
6. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. EDN: YLAWAR
7. *Седов К.Ф.* Отечественная психолингвистика: структура и перспективы развития // *Язык и сознание: психолингвистические аспекты* / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.—Калуга : Эйдос, 2009. С. 41–52.
8. *Ушакова Т.И.* Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты* / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.; Барнаул : изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 6–17.
9. *Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // *Словарь ассоциативных норм русского языка* / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 3–12.
10. *Вендина Т.И.* Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // *Вопросы языкознания.* 2002. № 4. С. 4–72. EDN: RYRHAT

11. Устинова Т.В. Внутренняя форма слова и смыслообразование в поэтической речи (на материале русского и английского языков) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 74–86. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-5> EDN: THECSV
12. Болдырев Н.Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69. EDN: WJAAOB
13. Красных В.В. Психологическая структура значения и проблемы понимания текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1306–1320. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320> EDN: ZJFPQE
14. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). М. : Флинта, 2018. EDN: MSSUOF
15. Вендина Т.И. Антропология диалектного слова / Ин-т славяноведения РАН. М.; СПб. : Нестор—История, 2020. <https://doi.org/10.31168/4469-1776-1> EDN: FDHGGG
16. Кустова Г.И. Прилагательные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы. СПб. : Нестор—История, 2018. С. 40–107.
17. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2021.
18. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. EDN: UANZFL
19. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008.
20. Камалова А.А. Чувства, эмоции, ощущения? О репрезентативности психических состояний в русском языке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология. Педагогика. Психология. 2017. № 4. С. 5–11. EDN: XNTSZR
21. Шаховский В.И. Коннотации и ассоциации: аспект их взаимосвязи и отношения к лексическому значению слова (психолингвистический подход) // Язык и сознание: Психолингвистические аспекты / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М. —Калуга : Эйдос, 2009. С. 30–316.

References

1. Ivin, A.A. (2006). *Axiology*. Moscow: Vysshaja shkola publ. (In Russ.).
2. Postovalova, V.I. (2000). Ethical assessment of the Other and self-assessment in the Orthodox Spiritual Tradition (based on the epistolary legacy of St. Ignatius Bryanchaninov). In: *Logical analysis of language: Languages of ethics* (pp. 406–416). Moscow: Jazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
3. Apresyan, Ju.D. (1995). The image of a person according to language data: an attempt at a systematic description. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Linguistics)*, (1), 37–67. (In Russ.). EDN: PVLFBF
4. Riabtseva, N.K. (2000). Ethical knowledge and its “objective” embodiment. In: *Logical analysis of language: Languages of ethics* (pp. 178–183). Moscow: Jazyki russkoi kul'tury. (In Russ.). EDN: WFXDXN
5. Bachinin, V.A. (2005). *Ethics. An encyclopedic dictionary*. Saint Petersburg: Izd-vo Mihailova V.A. (In Russ.).
6. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Jazyki russkoi kul'tury. (In Russ.). EDN: YLAWAR
7. Sedov, K.F. (2009). Russian psycholinguistics: structure and prospects of development. In: *Language and consciousness: psycholinguistic aspects*. N.V. Ufimtseva, T.N. Ushakova (eds.). (pp. 41–52). Moscow; Kaluga: Ejdos. (In Russ.).
8. Ushakova, T.I. (2004). The concept of linguistic consciousness and the structure of the speech-thought-language system. In: *Linguistic consciousness: theoretical and applied aspects: collection of articles*. N.V. Ufimtseva (Ed.) (pp. 6–17). Moscow; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta publ. (In Russ.).
9. Leont'ev, A.A. (1977). General information about associations and associative norms. In: *Dictionary of associative norms of the Russian language* (pp. 3–12). Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta publ. (In Russ.).

10. Vendina, T.I. (2002). Word formation as a source of reconstruction of linguistic consciousness. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Linguistics)*, (4), 42–72. (In Russ.). EDN: RYRHAT
11. Ustinova, T.V. (2023). The Inner Form of the Word and Meaning Construction in the Poetic Speech (Based on the Russian and English Languages). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (3), 74–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-5> EDN: THECSV
12. Boldyrev, N.N. (2021). The Phenomenon of Derivation in Culture and Language. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (2), 57–69. (In Russ.). EDN: WJAAOB
13. Krasnyh, V.V. (2023). Psychological Structure of Meaning and Problems of Text Perception. *RUDN Journal of Language. Studies, Semiotics and Semantics*, 14(4), 1306–1320. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1306-1320> EDN: ZJFPQE
14. Katermina, V.V. (2018). *Human nominations: national and cultural aspect (based on the material of Russian and English languages)*. Moscow: Flinta publ. (In Russ.). EDN: MSSUOF
15. Vendina, T.I. (2020). *Anthropology of the dialect word*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor — Istorija. (In Russ.).
16. Kustova, G.I. (2018). Adjectives. In: *Materials for the corpus grammar of the Russian language. Vol. III. Parts of speech and lexico-grammatical classes* (pp. 40–107). Saint Petersburg: Nestor—Istorija. (In Russ.). <https://doi.org/10.31168/4469-1776-1> EDN: FDHGGG
17. Izard, K.E. (2021). *Psychology of emotions*. Saint Petersburg: Piter.
18. Il'in, E.P. (2001). *Emotions and feelings*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.). EDN: UANZFL
19. Shahovsky, V.I. (2008). *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
20. Kamalova, A.A. (2017). Feelings, Emotions, Sensations: on the Representativeness of Mental States in the Russian Language. *Vestnik Ikbfu. Philology, Pedagogy, and Psychology*, (4), 5–11. (In Russ.). EDN: XNTSZR
21. Shahovsky, V.I. (2009). Connotations and associations: an aspect of their interrelation and relation to the lexical meaning of a word (a psycholinguistic approach). In: *Language and consciousness: Psycholinguistic aspects*, N.V. Ufimceva, T.N. Ushakova (eds.) (pp. 306–316). Moscow—Kaluga: Eidos. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *научные интересы*: словообразование, семантика; *e-mail*: favenera@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3252-8526, SPIN-код: 8876-5564, AuthorID: 493112, Scopus ID: 56242842900, ResearcherID: E-1437-2015

Information about the author:

Venera G. Fatkhutdinova, Dr.Ds. (Philology), Professor, Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (18 Kremlyovskaya st., Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: word formation, semantics; *e-mail*: favenera@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3252-8526, SPIN-code: 8876-5564, AuthorID: 493112, SCOPUS ID: 56242842900, ResearcherID: E-1437-2015.